

Сапаралиев Доолотбек Бекишович

канд. ист. наук, профессор, заслуженный деятель
образования Кыргызской Республики
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева
г. Бишкек, Республика Кыргызстан

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ВООРУЖЕНИЕ КЫРГЫЗОВ В XVIII–XIX ВВ.

Аннотация: статья посвящена вопросу развития военного искусства кыргызского народа на протяжении XVIII–XIX вв. На основе изучения и анализа разноплановых исторических источников внимание уделено защитному и холодному видам оружия, показаны особенности формирования кыргызского войска.

Ключевые слова: кыргызы, военное искусство, вооружение, защитное оружие, холодное оружие.

Кыргызы с XVII – до середины XVIII в. вели неустанную борьбу за свою свободу и независимость против завоевательных походов войск Джунгарского ханства, представителей западно-монгольских племен – ойратов (калмаков). За тем со второй половины XVIII до середины XIX века они оказывали активное сопротивление захватническим устремлениям Цинской империи. В то же время происходили периодические столкновения их с соседними казахскими владельцами. Поэтому в процессе восстановления политических событий из истории кыргызов указанного периода, мы находим наглядные данные о состоянии их военного искусства. Например, о численности и боеспособности кыргызских войск, о вооружении и тактике военных действий.

Известно, что для исследователей одним из основных исторических источников являются документальные материалы содержащиеся в архивах России таких как – Архив внешней политики Российской Федерации (далее сокращенно: АВПРФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Исторический

архив Омской области (ИАОМО), Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОРО), в Казахстане – Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), а в Узбекистане – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУ) и др.

В данном сообщении на основе документальных материалов, выявленных в архивах России, Казахстана и Узбекистана предпринята попытка осветить состояние военного искусства кыргызов в выше обозначенное время. По сведениям русских документальных материалов в середине XVIII столетия кыргызы и узбеки вели совместную борьбу против иноземных завоевателей калмаков (ойратов), что наглядно свидетельствует об исторической общности судеб этих братских народов с глубины веков. Так, в рапорте из Сибирской губернской канцелярии в Правительствующий Сенат России от 7 июля 1749 г. указывается, что «кочующие буруты (так называли ойраты кыргызов – Д.С.) с абдыкарымцами (т.е. с поданными правителя г. Коканда в Ферганской долине Абд ал-Карим бия – годы правления 1734–1747 гг. – Д.С.) согласие имеют и им против зенгорцев в войне помогают, от которых зенгорские калмыки стоять не могут и от пятидесяти человек побеждены бывают и во время партии (т.е. похода 1748 г. – Д.С.) с ноеном Сан Белеком калмык по пятисот человек побили» [18. Д. 1607. Л. 364–365 об.].

В другом документе, относящемся к 11 июля 1745 г., приводится рассказ персианина Рузы Ишменеева, где говорится, что «назад тому три или четыре года (т.е. 1741–1742 гг. – Д.С.)», Галдан Церен – правитель Джунгарского ханства, направил на кокандцев своих послов с требованием дать ответ о причинах притеснения джунгарских купцов в Коканде, а также быть им в его «подданстве». На это кокандцы «ответ учинили, что под владением и в послушании ево зенгорского владельца быть не хотят». Тогда Галдан Церен «послал на них войска своего тысяч до десяти. И до прихода туда оногo войска крайние абдыкарымцы кочевые улусы на перво к ним склонились и обещали быть у зенгорского владельца в подданстве, токмо вскоре собрався многолюдством с протчими улусами навстречу к тем зенгорским войскам выступили для сражения. И у

всех де абдыкарымцев при збруе конской сделаны шнекильцы (металлические наконечники – Д.С.). Они ж де сами в латах и в пансырях, и лошади под ними добрые, подобны аргымакам и как к сражению напустили, то от звону ширкульной лошади зенгорские испугались и многие люди с лошадьми падали. И те абдыкарымцы оных зенгорцев многих при том побили. А оружия у них абдыкарымцев, копья, сайдаки и сабли и огненное оружие есть. И при оном сражении зенгорцы противу абдыкарымцев нисколько стоять, были не в состоянии, но с конфузиєю бежали обратно» [18. Д. 1607. Л. 1107–1107 об.].

Интересные моменты этих сражений отразились в Рапорте прапорщика Подзорова полковнику Павлуцкому от 4 июня 1745 г., где излагается рассказ калмыка Иктанова 15 декабря 1744 г. «...Как де наше зенгорское войско, – указывал информатор, – наперед сего были под тем городками (в Ферганской долине – Д.С.) с войною назад тому третий год, (т.е. 1741–1742 гг. – Д.С.) и тогда взять их никак не могли. И побили де наших калмык оные абдыкамырцы тысяч с тридцать более с обманом, а именно таким образом, что у них абдыкарымцев близ тех городков были выкопаны два рва, весьма глубокие к которым вышли они абдыкарымцы против пришедшего зенгорского войска и один ров сделали в прикрытье и осыпали сверху землей, оноем зенгорское войско невидали и как на них зенгорцы нападение учинили, то невидя того рва попадали во онои, коих абдыкарымцы стреляли тут из турок, а других палками били, понеже из рва выйтти зенгорцы уже вскоре не могли за глубиностью оною. У них же абдыкарымцов имеются в городах небольшие пушки. И того ж году оставшее зенгорское войско возвратилось в свою землю обратно» [18. Д. 383. Л. 989–989 об.].

Как видно из выше приведенных документальных материалов, военное искусство кыргызов и узбеков в середине XVIII в. было на подъеме, они отлично использовали достижения военной техники того времени, искусно применяли тактические приемы ведения оборонительного боя. Немалая роль в последнем, видимо, принадлежала личному полководческому таланту правителя Коканда Абд ал-Карим бию (годы правления 1734–1747 гг.). Об этом свидетельствуют

строки из рапорта С. Соболева к И.В. Киндерману от 30 мая 1746 г., где приводится эпизод из очередного похода джунгарских войск на Фергану. Когда враги подошли в г. Коканд «тогда по приступу их по многим баталиям якобы Абдыкарым к ним склонился и отворил городовые ворота и велел впустить в город, что де видя их зенгорское войско в город безопасности поступили. И при том де проезде их в город до трех тысяч абдыкарымцы впустили и заперли ворота, всех прибили» [18. Д. 1607. Л. 246 об.].

Участник одного из походов джунгар в Коканд (1748 г.) Н.Амиров утверждал, что: «Они (кокандцы – Д.С.) за ними (джунгарами – Д.С.) погони не чинять. Но ждут всегда на них приходу и тогда на выласку ходят, из городка недалече в выстрел из ружья с переди конные, а позади пешие ...» [18. Д. 1607. Л. 356–366].

Прапорщик Подзоров в рапорте от 19 декабря 1749 г. Киндерману, касаясь о сражениях кыргызов с джунгарскими войсками под Кашгаром 1748 года приводит интересные сведения, исходящие от простых калмаков участников этой событий, которые утверждали, что «ходил у нас в поход на бурутов (т.е. кыргызов – Д.С.) зайсан Якба и стояли де под бурутами, и триста человек у него буруты заманили, вперед пропустили, мост разобрали, а назад не пропускали и прибили всех триста человек без остатку и довольно коней отогнали» [11. Л. 55].

П.И. Рычков, ассессор Оренбургской губернской канцелярии в сочинении «Топография Оренбургской...», опубликованном в 1762 г., в частности указывает: «*их (кыргызов – Д.С.) несколько состоит под зенгорским владением, а большая часть ни от кого не зависит (подчеркнуто мною – Д.С.)*, с зенгорцами имеют они частые войны и хоть их на войну забирается не более как около тридцати тысяч человек, но по ситуации жилищ зенгорцы и никто из тамошних владетелей преодолеть их не могут» [20, с. 133].

Российский ученый И.П. Фальк на основе изучения архивных сведений в Сибири в 1774–1775 гг. пришел к примечательному заключению, где утверждается: «они (буруты т.е. кыргызы – Д.С.) храбрее своих соседей и побеждены

бывают только при вящей силе. Они всегда были вольными и имели собственных ханов» [2. Л. 203 об.].

В китайском источнике «Си юй взнь цзяньлу» – «Описание западного края», изданном в 1777 г., сказано, что «киргизы бедны, но отважны, не дорожат жизнью... храбры на войне. Казахи и болуры боятся их. Даже чжунгары во время своего могущества не могли покорить их под свою власть» (гл. 3, л. 3а-б) [6, с. 127]. Этот же источник сообщает о численности кыргызских войск во второй половине XVIII века – 100 тыс. человек [14, с. 142].

Другой китайский источник XVIII века «Сиюй чжи» («Описание Западных земель» Кн. 3. С. 2–3) информирует нас о системе формирования кыргызского войска и о функциональных обязанностях военных чиновников, «...Каждый раз, как неприятель вторгается в (их) границы и готовится сражаться, тотчас собирают соплеменников и назначают предводителей. Он – *баши* (десятский) глава десяти человек, *жуз-баши* (сотник) – глава сотни человек, *минбек* (тысячник) – глава тысячи человек. Один тысячник командует десятью сотниками, один сотник руководит десятью десятниками, один десятник командует десятью подчиненными.... Их метод расстановки войска примерно следующий: ведающий боевым порядком – *кара-дугуань* выстраивает войско и оповещает приказы полководца. Что касается заготовки провианта и фуража, то этим делом ведает *шанбек*. Надзор за беглыми и праздно живущими, распускающими злостные слухи и затевающими беспорядки, осуществляют *кара-казы* (судья – Д.С.) и *бача-шабу*. В ведении полководца – позиция войска и отдача приказа в важных случаях. Обязанность *соту* слушать его распоряжения и передавать приказы. *Соту* – это то же, что у уйгуров чин шивея (офицер). Такова основа их (кыргызов) расстановки войска» [цит. по: 12, с. 469–470]. О военной тактике кыргызов «Сиюй чжи» указывает, что они «посадят в засаду людей в удобном месте и посылают понемногу солдат на перехват... Или же заманивают в узкую горную долину, а как только враг пройдет, атакуют наподобие облавной охоты» [цит. по: 12, с. 471].

По мнению некоторых исследователей, такая тактика заманивания противников в ловушки путем ложного оступления в исторической литературе XVIII – XXI в. часто характеризуется нарицательной дефиницией как «скифский способ» ведения войны [27, с. 63; 10, с. 76]. По справедливому заключению И.В. Ерофеевой, «под это метафорическое определение обычно попадает военное искусство всех разновременных номадных обществ внутренней Евразии. Начиная от скифских племен (прчерноморских скифов, саков, массагетов и сарматов) до различных этнокультурных групп номадов начала XX в. – ближайших предков современных монголов, волжских калмыков, туркмен, казахов и кыргызов» [10, с. 76].

Интересные сведения о военной подготовке кыргызов конца XVIII века сообщает писарь казахского хана Абылая (1711–1781 гг. жизни) Ягуда Усманов в своем показании в Оренбургской губернской канцелярии от 27 января 1781 года указывает, что «Чингис султан (сын Абылай хана – Д.С.) и старшина Дат батыр сказывали, что сей народ кыргызы одного с ними магометянского закона и гораздо многолюдны (вероятно имелось ввиду по отношению к Среднему джuzu казахов – Д.С.). В воинском действии и во всех поступках против орд киргизс кайсак острее и проворнее» [17. Л. 386 об.]. Казахский хан Абылай в своем письме к Оренбургскому губернатору И.А. Рейенсдорпу полученного им 2 марта 1779 года утверждал, что «живущие по реке называемой Чу, Талас кыргызский народ которого небольшое количество... имеющей крепости и хлебопашество да и оружие они имеют только одни ружья и копья и таких как россияне пушек не имеют» [17. Л. 213 об.].

В рапорте на имя омского областного начальника С.Б. Броневского от 17 марта 1827 года русского специального посланника П.А. Бубенова содержится интересный рассказ уйгура служившего у цинского пограничного начальника в Кульже где указывается, что цинские власти направили на территорию кыргызов для поимки лидера восточнотуркестанцев (уйгуров Синьцзяна Цинской империи – Д.С.) Джангир ходжо Сарымсак уулу войско численностью 7000 человек. Когда они прибыли в кочевья «Атынтайлак (точнее Атантай и

Тайлак речь идет о двух родных братьях сыновей Рыскула из племени саяк – Д.С.) бия, то «сей бий со своим подчиненными киргизами, держа сторону Джангир ходжи, и условясь с ним до ходжина войска гнали с тылу и заведя в горах в ущелье, то есть узкое место, из (Джангир) ходжино войско половина оставлена позади. А другая впереди, и в одно время с обеих сторон напали с помощью киргиз на китайцев, так, что сии не в силах были защищаться, истребили все войско и с главнокомандующим, кроме что освободились из сего до 20 челвек китайцев, которые доставили о сем сведение в Кашгар» [16, с. 105–107].

Как видим по справедливому заключению А.Н. Бернштама «Огромное значение они (кыргызы – Д.С.) придавали особенностям ландшафта, используя каждую возможность позиционных удобств с выгодой для себя и невыгодой для противника. Особенно это сказалось в их борьбе за независимость на Тянь-Шане, где пересеченность местности была верным, надежным союзником. Тянь-Шань превращался киргизами в крепость, где каждое ущелье и каждая скала были их другом и помощником. Уменье приспособиться к местности, сделать родную землю участницей борьбы за свободу было тем высоким качеством киргизов в древности, которое не должно быть забыто» [6, с. 110].

В письме кыргызского бия Джантая Карабекова к русским властям от 15 октября 1847 года подчеркивая свою решающую роль в нанесении поражения войсам Кенесары указывал, что он «...в нынешнем 1847 году, когда вновь приступил к нам (кыргызам – Д.С.), тогда (я – Д.С.) выехав ему на сопротивление, три дня держал его в осаде» [25. Л. 40]. По этому поводу султан Старшего джуза жделденовского рода Камбар Аланов письме отрядному командиру Ньюхалову в апреле 1847 г., сообщал, что «Каракиргызы собрались толпами с правой и с левой стороны (здесь имелось ввиду участие в сражении представителей дуальной кыргызской конфедерации племен: онг канат – правое крыло и сол канат – левое крыло – Д.С.), столь множество, что число их могло простирается почти до 100 000 (это конечно же было слишком преувеличенно – Д.С.). Бились с Кенесарой два – ли, три – ли дня, наконец каракиргызы одержали верх» [26. Л. 154]. Кыргызские же предания преувеличивают сроки сраже-

ния до 12 дней [21, с. 8], это опровергается указаниями вышеприведенного архивного документа, которое также подкрепляется теоретическими выводами Нурбулата Масанова о том, что «скопление скота сверх допустимого лимита создавало для окружающей среды чрезвычайную опасность в виде так называемого *эффекта перевыпаса*» [13, с. 117].

Русский военачальник генерал майор Вишневецкий в рапорте командиру Сибирского корпуса от 27 апреля 1847 г. конкретизировал действия кыргызских ополченцев указывая, что «бий Арман (точнее кыргызский хан Ормон (1792–1855 гг. жизни) – Д.С.) со всеми своими силами напал в полночь на Кенесару, разбил его совершенно...» [26. Л. 153].

Некоторые сведения о вооружении кыргызов в первой половине XIX века приводятся в рассказе 40-летнего казаха из Среднего джуза, родоплеменного объединения аргын, отделения басанты Калтая Бергиева, который находился 12 лет (с 1822–1834 гг.) в плену у кыргыза по имени Бекбулат. Вот, что он сообщает нам: «Вооружены они (т.е. кыргызы – Д.С.) луками и саблями, копья редки. У нас киргиз-кайсаков (т.е. казахов – Д.С.) напротив, у всякого копье есть, сабля на редкость, а луки и стрелы и того реже» [4. Л. 15 об.].

Российский военный чиновник переводчик Бардашев в середине XIX века в сведении о кыргызах утверждает, что они «более других воинственна, хотя вооружена тем же, чем и другие киргизы (т.е. казахи – Д.С.). Огнестрельного оружия здесь более и они имеют его из Хоканда, а порох и пули приготавливают сами» [19. Л. 25].

Эти сведения конкретизируются данными русских чиновников Нифантьева и Воронина 1851 г., что у кыргызов «вооружения состояют: айбалты (секира – род топоров), сабли, пики и ружья. Черные киргизы, сравнительно с другими ордами, имеют более оружия, в особенности огнестрельного, приобретаемого в Коканде, но ружья их называемые турками, вообще длинные и с фитилями, вместо замков. Холодное оружие частью покупают, а частью изготовляют сами» [9, с. 150].

По свидетельству Ч. Валиханова, относящееся к 1856 г., кыргызы «несмотря на постоянные войны между и вне, в вооружении очень бедна, даже беднее киргиз кайсаков (т. е. казахов – Д.С.), копя украшенные вместо флюгера кистью из конских волос, составляют их любимое и общеупотребительное оружие; айбалта (топорик) на длинной палке – тоже в большом употреблении. Сабли и ружья считаются за редкость. Только после убиения Кенесары (1847 г. – Д.С.) у многих манапов (вроде русских князей – Д.С.) в юртах в виде дорогого украшения стали являться турки (фительное киргиз-кайсацкое ружье)” [8, с. 37].

Пишпекский уездный начальник А. Талызин в конце XIX в. свидетельствовал, что у некоторых манапов до сих пор хранятся, в качестве почетного воспоминания прежних военных подвигов, полное вооружение, состоящее из шлема (тулга – Д.С.), кольчуги (соот – Д.С.), наколенников (тизе калканычы – Д.С.), сабли (кылыч – Д.С.), копья, луки (жаа – Д.), колчана со стрелами (саадак – футляр для хранения стрел лука – Д.С.) и щита (калкан – Д.С.)» [23, с. 28].

Археологические данные о вооружениях кыргызов изучаемого периода очень мизерны, и, тем не менее они отражены в публикациях археологов. Так, по мнению профессора Ю.С. Худякова в комплексе средств индивидуальной металлической защиты воинов в кочевом мире степного пояса Евразии (куда входила и территория кыргызов), ведущее место занимали железные шлемы. Использование в дистанционном, ближнем и рукопашном бою защитных наголовий значительно повышало сохранность воинов от поражения противником. Железные шлемы представляли для каждого воина большую ценность. Воины их бережно хранили. Сравнительно редко металлические шлемы встречаются в захоронениях средневековых кочевников. Большинство известных к настоящему времени кочевнических шлемов из центральноазиатского историко-культурного региона являются случайными находками любознательных людей, которые при содействии краеведов попали в музейные собрания. Значительная часть из них относится к эпохе позднего средневековья.

Одна из таких находок, представляющих самостоятельный интерес для изучения защитного вооружения позднесредневековых номадов Центральной Азии, хранится в Государственном историческом музее Кыргызстана. Шлем был найден Ш.Б. Айткуловым на высокогорном пастбище в местности Ак-Кель, в окрестностях с. Ичке-Суу в Кантском районе Чуйской области Республики Кыргызстан, и передан в Государственный исторический музей. Он изготовлен из кованого железа. Купол шлема цельнокованный. Он имеет сферическую форму. По нижнему краю купол окаймлен широким, разъемным пластинчатым обручем, прикреплен к куполу заклепками. По верхнему краю обруча расположено пять заклепок. По нижнему краю 16 заклепок. Спереди к обручу прикреплен короткий пятиугольный козырек. По краю козырек имеет небольшой, выделенный валик. Сторона, прикрепленная к обручу, оформлена рядом треугольных зубчиков. Она крепится к обручу несколько выше нижнего края с помощью трех заклепок. Поверх купола по диагонали от левой надвисочной до правой надзатыльной части прикреплены две декоративные полосы. По вертикальной оси полос проходит выступающий валик. Края полос оформлены с обеих сторон чередующимися овальными выступами и треугольными зубчиками. У шлемов центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья подобными полосами стягивались пластины купола. У ак-кельского шлема эти полосы выполняют декоративную роль.

Купол ак-кельского шлема увенчан навершием в виде сферической восьмилепестковой розетки. Лепестки навершия-розетки разделены радиально расходящимися резными линиями. Эти лепестки заканчиваются тремя полукруглыми выступами. В верхней части навершия разделительные линии соединены со сквозными отверстиями. Отверстия оформлены в виде сердечек и крестиков, которые чередуются по периметру навершия. На полукруглых выступах лепестков розетки имеются сквозные отверстия, оформленные в виде крестиков с закругленными концами. От центральной части каждого креста к краю лепестка отходят по две резных косых линии. На вершине навершия-розетки вертикально укреплена, шестигранная в сечении, расширяющаяся кверху трубочка для

султана или плюмажа. Навершие и купол шлема частично повреждены коррозией. Они имеют сквозные отверстия с рваными краями. Высота шлема с навершием и трубочкой для султана или плюмажа – 16 см, диаметр купола по нижнему краю – 21 см, длина козырька – 5 см, ширина козырька – 11 см [24, с. 235–236].

Близкие по типологическим и конструктивным особенностям железные шлемы характерны для кочевников Центральной Азии в периоды развитого и позднего средневековья. Шлемы со сфероконическим куполом из четырех или шести пластин, склепанных заклепками, широким обручем и навершием с трубочкой для плюмажа были характерны в эпоху развитого средневековья для кыргызов и киданей.

Среднеазиатская традиция в изготовлении шлемов существенно отличается от центральноазиатской. В музеях Бухары и Самарканда экспонируются шлемы воинов Бухраского эмирата. Они имеют сферический купол, небольшое коническое навершие с трубочкой для плюмажа, медальоны на передней части купола, широкий обруч и длинный наносник, прикрепленный полоской к куполу или обручу. Концы наносника оформлены ромбической, треугольной или округлой формы. В медальонах некоторых шлемов укреплены трубочки для плюмажа. Подобные шлемы в эпоху позднего средневековья были характерны для Персии и Индии. Близкие по конструкции шлемы были и на вооружении воинов поздне-средневековых государств Восточного Туркестана [24, с. 236–237].

По мнению археологов Ю. Худякова, К. Табалдиева и О. Солтобаева Аккельский шлем должен относиться к эпохе позднего средневековья и являться частью защитного вооружения кыргызских воинов в период заселения кыргызами западных районов Тянь-Шаня. Подобные шлемы должны соответствовать реалиям, относящимся к описанию защитного вооружения в кыргызском героическом эпосе «Манас» [15, с. 8]. И после переселения на Тянь-Шань кыргызские воины продолжали применять боевые защитные наголовья, относящиеся в своей основе к центральноазиатской военной традиции [24, с. 238].

В фондах Государственного исторического музея Кыргызстана находятся несколько сабель и кольчуга кыргызского изготовления, датируемые специалистами приблизительно XVI–XVIII вв.

Этнографические данные по данному вопросу так же не многочисленны. Низкая информативность у кыргызов старожилков о положении того или иного предмета около погребенных объясняется тем, что с начала II тысячелетия н. э. господствующей религией у местного населения становится ислам. Но процесс исламизации был прерван в период нашествия монголов. Затем снова с середины II тыс. н. э. продолжалась исламизация населения Прииртышья, которая активизировалась XVIII–XIX вв. Общеизвестно, что по канонам ислама запрещается класть в могилу сопровождающий погребальный инвентарь. Но живучести доисламских верований встречались в нарушение канонов погребальной обрядности. Они были зафиксированы в этнографических исследованиях в среде кыргызов Тянь-Шаня [22, с. 115].

У кыргызов бытовало поверие, по которому захоронение воина с предметами вооружения делается для того, чтобы не оставить воина без оружия и на «том свете». По сведениям этнографа С.М. Абрамзона, полученным от А. Чоробаева (они относятся приблизительно к концу XVIII в.) «...два враждовавших друг с другом киргизских храбреца Кемпир-бала и Чомой-баатыр были похоронены рядом. В могилу Чомоя было положено копье «найза», чтобы он имел возможность, если не примирится с Кемпир-бала, воевать с ним на «том свете». Оба мавзолея сейчас стоят в местности Ак-Терек Ак-Талинского района (в Кыргызстане)» [1, с. 116].

По сведениям старожилков, оружие полагалось класть в могилы только военачальников: он башы, элуу башы, жуз башы, минг башы (командующие десятком, пятидесятком, сотней и тысячей воинов), т.е. прославленных баатыров.

Таким образом, сведения русских и китайских документальных материалов указывают на то, что степень развития военного искусства кыргызов в XVIII–XIX вв., находилась на должном уровне и отвечала потребностям по

обеспечению самозащиты и политической независимости Кыргызстана. Они также проливают новый свет в богатую историю взаимоотношений кыргызов с соседними народами.

Список литературы

1. Абрамзон С.М. О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов / С.М. Абрамзон // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. – Вып. 66. – М., 1951. – С. 113–116.
2. Архив Академии наук Российской Федерации. – Ф. 3. – Оп. 35. – Д. 37. – Л. – 203 об.
3. Архив внешней политики России. – Ф. Зюнгарские дела. 1749 г. – Оп. 113/1. – Д. 2.
4. Научный архив Русского географического общества. – Разряд 75. – Оп.1. – Д. 1. – Л.15 об.
5. Бернштам А. Источники по истории киргизов XVIII в. / А. Бернштам // Вопросы истории. – 1946. – №11–12. – С.126–131.
6. Бернштам А. Н. Из истории международных и военных отношений киргизского народа / А. Бернштам // Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. – 1945. – Вып. I. – С. 105–113.
7. Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Н.Я. Бичурин. – Ч. 1. – СПб., 1829. – 148 с.
8. Валиханов Ч. Собрание сочинений / Ч. Валиханов. – 2-е изд. – В 5 т. Т. 2. – Алма-Ата, 1985. – 416 с.
9. Воронин А. Сведения о дикокаменных киргизах / А. Воронин, И. Нифантьев // Записки императорского русского географического общества. – Кн. 5. – СПб., 1851. – С. 150.
10. Ерофеева И.В. Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства номадов / И.В. Ерофеева // Вклад кочевников в развитие мировой цивили-

зации: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 21–23 ноября 2007 г.). – Алматы, 2008. – С. 76.

11. Исторический архив Омской области. – Ф. I. – Оп. I. – Д. 20.

12. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Фрунзе, 1984. – 798 с.

13. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества / Н.Э. Масанов. – Алматы; М., 1995. – 320 с. EDN RPWCYJ

14. Мокеев А. Кыргызы на Алтае ина Тянь-Шане (Этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине IX – сер. XVIII в. / А. Мокеев. – Бишкек, 2010. – 280 с.

15. Наследие народов мира. – Бишкек, 1995. – С. 8.

16. О заграничных обстоятельствах // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. – Вып. 5. – Семипалатинск, 1900. – С. 105–107.

17. Объединенный государственный архив Оренбургской области. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 176.

18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 248. – Оп. 113. – Д. 1607.

19. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. Военно-ученый архив. – Оп. 1. – Д. 18551.

20. Рычков П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии / П. Рычков. – Ч. 1. – СПб., 1762. – 263 с.

21. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы / Б. Солтоноев. – Т. 2. – Бишкек, 1993. – С. 8.

22. Табалдиев К. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня (первая половина II тысячелетия н. э.) / К. Табалдиев, О. Солтобаев // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 108–124.

23. Талызин А. Пишпекский уезд / А. Талызин // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. – Вып. 2. – Верный, 1898. – С. 28.

24. Худяков Ю. Железный шлем кыргызского воина эпохи позднего средневековья из Ак-Келя / Ю. Худяков, К. Табалдиев, О. Солтобаев // Кыргыз-турк «Манас» университетинин Коомдук илимдер журналы. – 2004. – №9. – С. 235–236.

25. Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 374. – Оп. 1. – Д. 2920.

26. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. – Ф. 715. – Оп. 1. – Д. 12.

27. Черикбаев Э.Ч. О военном искусстве ранних кочевников Киргизии / Э.Ч. Черикбаев // Известия Академии наук Киргизской ССР. – 1985. – №1. – С. 59–63.